

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т39

Tijan
RYAN'S BED

Copyright © 2018. RYAN'S BED by Tijan

Перевод с английского *Ольги Болятко*
Художественное оформление *Петра Петрова*

Тиджан.
Т39 В постели с Райаном / Тиджан ; [перевод с английского
О. Болятко].— Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-104961-4

После самоубийства сестры ничто не может вывести Маккензи из апатии, пока в одну из ночей, в доме знакомых, она не засыпает в постели малознакомого юноши, спутав комнаты. В эту ночь она впервые спит без кошмаров.

В последующие ночи Райан позволяет ей взбираться в его спальню по растущему у окна дереву, чтобы никто ничего не заподозрил...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-104961-4

© Болятко О., перевод на русский язык,
2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

В первый раз я попала в кровать Райана совершенно случайно. Я лежала в постели с девушкой, с которой познакомилась двенадцатью часами ранее на пикнике. Моя семья только что переехала в Портсайд в штате Орегон из Аризоны, потому что отец получил повышение по службе. Так что на пикнике, среди новых лиц и новых имен, я чувствовала себя новичком. Портсайд был не большим городом, но и не маленьким — порядка двадцати тысяч жителей обитали в этом предместье на окраине Мерридейла.

Робби наверняка знал, сколько именно. Мой брат мог легко выдать любую статистику, потому что в нашей семье он был гением. А Уиллоу была в нашей семье творческой личностью. Она преуспевала во всем, что касалось творчества. Игра на пианино. Танцы. Рисование. А однажды она сделала шестифутового дракона из папье-маше, который получил первое место на конкурсе в нашем штате.

Поверьте мне. Это было выдающимся достижением. Ее даже показывали по телевидению на местных каналах.

Может быть, с этого все и началось. Может быть, ей стало казаться, что она должна конкурировать с Робби.

Я находила пустые пузырьки из-под слабительного в нашей с ней спальне, чувствовала в туалете запах рвоты, а несколько раз, проснувшись среди ночи, заставляла ее за выполнением физических упражнений. Других девочек в семье не было — логично, что у нас была общая ванная. Мы также спали в одной комнате, пока не стали подростками, и тогда мы получили *свободууу!* (Я произношу это голосом героини «Храброго сердца», насколько мне это удается.)

Я не знаю, почему ей казалось, что она обязана соревноваться с Робби.

Никто не мог соревноваться с этим ребенком. Он был ходячим, говорящим и поглощающим пищу компьютером. Робби никогда не смог бы стать нормальным. Но мы с Уиллоу были нормальными. По крайней мере, я.

Я не была лучшей в чем-либо.

Уиллоу была популярна в Аризоне. А я нет.

Ну, точнее, я не была непопулярной. Я не входила в число выдающихся лиц в общественной иерархии, но я нравилась людям. Все меня знали. Все были милы со мной, хотя, если подумать, это могло быть из-за Уиллоу. Если кто-то приходил ко мне, он приходил и к ней. А она была из тех людей, которых нельзя было игнорировать.

То же самое с экзаменами. Я справлялась с ними. И если я получала четверки, я раздувалась от гордости. Но с Уиллоу все было не так. Она должна была получить все пятерки, а если нет — это был конец света. В нашей старой школе ходили слухи о том, что там собираются поднять средний балл аттестата с 4.0 до 4.2. Уиллоу была самым ярким сторонником этого.

Но не я. Это означало бы, что мне пришлось бы прикладывать больше усилий. Ни за что.

Может быть, в нашей семье у меня была именно такая роль. Я была недотепой.

Да. И мне это нравилось. Я была недотепой в нашей семье — или, может быть, лентяйкой. Между недотепой и лентяйкой есть разница. Кто-то может быть недотепой, но некоторые доводят это до настоящего искусства. И это описание как раз подходило мне.

Да, я была именно такой, и как раз поэтому я перепутала двери и вошла на цыпочках не в ту спальню. Я выходила, потому что мне захотелось выпить воды, а потом потерялась в поисках спальни Пич. Это было легко — дом был настоящим особняком.

Я сразу этого не осознала. В обеих спальнях было прохладно, там стояли вентиляторы и большие, удобные кровати. Эти люди были богатыми.

Постойте, не богатыми.

Они были состоятельными. Если верить моей сестре, это разные вещи.

Я встретила Райана и Пич на пикнике — точнее, я встретила Пич¹. Я решила, что это ее прозвище, по-

¹ Peach — персик.

тому что у нее были вьющиеся рыжие волосы. И все лицо в веснушках. И голубые глаза. Она не выделялась из толпы. Как и я. Я никогда не выделялась из толпы, в отличие от Уиллоу. И у Райана с Пич все было в точности так же. Она не выделялась из толпы, а ее брат — выделялся.

Меня не знакомили с Райаном, но это было и не нужно. Я в любом случае заметила бы его. Он бросался в глаза. Люди замечали его, даже взрослые.

У него были золотисто-каштановые волосы, довольно длинные. Они спадали ему на лицо и казались очаровательно взъерошенными. И у него были орехового цвета глаза, квадратный подбородок и ямочка на правой щеке. У Райана было то лицо, по которому сохнут все девчонки. Даже когда он сидел за столом, было видно, какой он высокий, поджарый и широкоплечий. А по тому, как рукава рубашки обтягивали его бицепсы, было видно, что он очень мускулистый.

Он, очевидно, много тренировался.

И, судя по выражению его лица, ему было смертельно скучно.

Он сидел за столом рядом с двумя друзьями и ничего не делал. Он не разговаривал, не кричал, не махал руками. Он просто сидел, положив ноги на стоявший перед ним стул, и привлекал всеобщее внимание. Он, словно магнит, притягивал к себе людей.

Я была не из тех девчонок, которые издали замечают парня и нацеливаются на него. Нет, нет, я была из тех, которые замечают парня, а потом столик, на котором лежат хот-доги. Уиллоу выбрала бы парня, а я выбрала бы хот-дог.

Все дело в приоритетах, верно?

Но хотя я и не разговаривала с Райаном, я угадала, что он был популярен. Такие вещи просто чувствуешь, и моя догадка подтвердилась, когда мимо него прошли две девушки. Они остановились и стали что-то шептать друг другу. Один из друзей Райана похлопал себя по ноге, приглашая девушек присесть ему на колени. Райан посмотрел на них, и они захихикали, прежде чем убежать прочь с покрасневшими лицами.

Уиллоу здесь не было, так что я была одна. Сидя за столом, я чувствовала себя неудачницей, глядя на остальных детей.

Все они казались мне очень красивыми и по-своему замечательными. И они легко сходились друг с другом, как мой младший брат. Он сидел за столом с двумя другими мальчиками и девочкой. Все они были поглощены своими айпадами. Я была уверена, что они говорили на своем особом языке, и если бы я подошла к ним, я не поняла бы ни слова из беседы этих одиннадцатилетних детей.

Но, повторюсь, я была недотепой в нашей семье. Я должна была уметь общаться с одиннадцатилетними, но, увы. Я бывала и прежде на мероприятиях с Робби. Я знала, как все будет происходить. Он найдет себе единомышленников и, не сомневаюсь, будет вполне счастлив.

Но опять же Робби не приходилось испытывать того, что мог бы испытывать другой одиннадцатилетний гений.

Его никогда не дразнили из-за того, что он так умен. Его почти что обожали. Люди думали, что он станет следующим Стивом Джобсом. И его одноклассники

чувствовали это и уже подлизывались к нему. Конечно, может быть, время от времени попадался какой-нибудь завистник, но Робби никогда не говорил об этом. И даже если бы его начинали подначивать, сомневаюсь, что он заметил бы это.

Я часто думала, как он будет жить... потом. Робби всегда казался счастливым. Изменится ли это? Я надеялась, что нет — но стоп.

Вернемся опять к Райану.

Я должна была бы заметить что-то неладное в ту самую минуту, как моя голова коснулась подушки. Мне было тепло, уютно, и мое тело расслабилось. И зря... Лучше было бы не спать, как когда я лежала в постели Пич. Мне сказали, что лучше не оставаться ночью одной, и вот я забралась в чужую постель. Я напряглась, крепко вцепилась в простыню, так что костяшки моих пальцев побелели, и всю ночь прокручивала в голове все, что раньше произошло в моем новом доме.

Но в постели Райана все было иначе.

Когда мы проснулись на следующее утро, он был так же изумлен, как и я.

Он резко сел.

— Что? — спросил он, глядя на меня и раскрыв рот.

Я вцепилась в одеяло, чтобы натянуть его повыше, и, в свою очередь, уставилась на Райана. Это было так странно. Мое тело все еще было расслаблено. Только мой мозг запаниковал, но скоро проиграл битву. И я просто сдалась и закрыла глаза.

— Очевидно, я заблудилась, — пробормотала я.

Мы с Райаном не разговаривали — ни на пикнике, когда наши родители здоровались друг с другом, ни

когда нас с Робби ночью привезли в их дом. Все было так тихо и таинственно. Миссис Дженсен что-то прошептала на ухо Пич, и та ахнула, прижала руку к губам, и на глазах у нее выступили слезы.

В этот момент я отвернулась. У меня задрожал подбородок, но я не хотела расплакаться. Если бы я начала плакать, я не смогла бы остановиться.

Так что мы с Райаном впервые разговаривали в темной комнате, и это даже не было настоящим разговором. Он посмотрел на дверь, словно хотел сказать кому-то о том, что произошло, но я пробормотала:

— Пожалуйста, не нужно. Я не могла уснуть, пока не пришла сюда. Не знаю почему, но теперь я смогу. Я просто хочу спать.

Он нахмурил брови. Ямочка на его щеке исчезла, и он медленно лег на свое место. Он ничего не сказал. Прошла минута, и я поняла, что он и не собирается ничего говорить. Он собирается дать мне уснуть, и, слава богу, так я и сделала.

Я уснула.

— Не знаю, мам. Я проснулся, и она была здесь.

Я слышала голос Райана за дверью.

— Я не понимаю этого.

— Я тоже, — проворчал он.

— Мне показалось странным, что она не вернулась в мою комнату прошлой ночью.

Вздых.

Я узнала голос Пич, но не могла понять, откуда он донесся. А потом это перестало иметь значение. Я снова уснула.

Кровать прогнулась подо мной, и я услышала шепот.

— Маккензи. — Рука дотронулась до моего плеча и потрясла меня. — Эй. Ты не спишь?

Это был Робби. Я перекатилась на бок и открыла глаза.

— Что?

Он плакал. На его лице виднелись следы высохших слез, и на ресницах дрожали новые.

Он вытер глаза и смутился.

— Ты что, собираешься спать весь день?

— Если мне повезет.

Он нахмурился и покосился на дверь.

— Я не хочу быть с ними один. Я не знаю этих людей.

Я подвинулась, откинула одеяло и похлопала по кровати рядом со мной.

— Залезай.

Он снова бросил взгляд на дверь, и на его лице была написана нерешительность. А потом он вздохнул. Его крохотные плечики опустились, и было видно, что он решил не сопротивляться. Он лег на кровать, натянул одеяло до подбородка и, лежа на боку, стал смотреть на меня. Я придвинулась к нему, так что наши лбы почти соприкасались.

Мы не разговаривали, но слезы снова показались у него на глазах. Одна сползла ему на переносицу. Я протянула руку и смахнула ее.

— Мама и папа уехали на весь день. Я проверил их календари на телефонах.

Я понятия не имела, как Робби смог это сделать, но меня это не удивило.

— Почему ты не плачешь? — прошептал он.

— Я не могу.

Он кивнул, словно в этом был определенный смысл.

— Иногда я хочу быть таким же, как ты. Ты сильная, Кенз.

Сильная? Разве это было моей ролью в семье?

Я попыталась улыбнуться, но я знала, что мне это не удалось. Вместо этого я, наверное, стала напоминать джокера.

— Ты сможешь заснуть?

— Я попытаюсь. Можем мы остаться здесь на весь день?

— Я собираюсь попробовать.

Это, похоже, он одобрил. Он закрыл глаза, и на его лице появилось почти мирное выражение. Но я знала, что это неправда. Мира не было. Больше не было.

— Эй, Кенз, — прошептал он спустя минуту.

— Да?

— С днем рождения.

Когда я снова проснулась, было темно и Робби исчез. Дверь была открыта, и я слышала стук вилок и ножей по тарелкам. Должно быть, меня разбудил запах еды, и на мгновение я разозлилась.

Они могли бы закрыть дверь. Но тут туман, окутывающий мой мозг, рассеялся, и я осознала, что это, наверное, Робби оставил дверь открытой. У него была такая привычка, что всегда раздражало Уиллоу.

Уиллоу...

Слабая улыбка сползла с моего лица.

Боже.

Я судорожно вздохнула и поняла, что на этот раз не смогу больше отгонять от себя страшные мысли.

Это был странный запах. Густой, ржавый, похожий на запах мокрого железа. От него у меня свело желудок, и я закусила губу еще до того, как открыла дверь в ванную. Уиллоу поцарапала руку, когда мы вносили в дом коробки. Если она развязала бинт и бросила его на полку, я разозлюсь. Она всегда кричала на меня, когда я оставляла на полке свою зубную щетку и пасту. В ее мире все должно было быть на своих местах, и она никак не могла понять, почему я этого не помню.

Я отвечала всегда одно и то же — что я не помешана на дерьмовом порядке. Это обычно злило ее. Но на этот раз я сама собиралась разозлиться. Уиллоу даже не знала, что ее ждет. Я собиралась махать руками, топтать ногами и орать во всю глотку.

Она знала, как я ненавижу вид крови.

И тут я распахнула дверь в ванную.

Я не помню, когда осознала, что именно я увидела. Наверное, я что-то почувствовала, потому что позже мне сказали, что я испытала шок. Душа словно отделилась от тела. Говорят, человек может испытывать подобное при травмирующих обстоятельствах. Но я знала лишь, что я застыла на пороге и смотрю, а мое тело стоит на коленях.

Я прижала руку к губам, плечи дернулись, словно меня вот-вот вырвет. Позже я узнала, что в тот момент я кричала.

А потом я стала трясти ее, скользя по залитому кровью полу. Кровь была везде. Даже при одном воспоминании об этом я снова чувствую ее на своих руках. *Теплую*. Жидкости организма обычно ощущаются холодными. Но та кровь была густой и липкой. И ее температура не отличалась от температуры моего тела. Это было странно. Она должна была отличаться. Потому что это была кровь Уиллоу, и значит, она, как и все в Уиллоу, должна была быть идеальной.

Я стояла на пороге и смотрела на себя. И я не переставала кричать. А потом внезапно остановилась. У меня из груди вырвалось рыдание, а потом я снова очутилась в своем теле.

Мое лицо: темные глаза, золотые волосы, округлый подбородок.

Мое тело: изящное, тонкие руки, длинные ноги.

Мое сердце: прекрасное, разбитое, истекающее кровью.

И все это лежало на полу в ванной в луже крови.

Чувствуя странное спокойствие, я перевела дух и придвинулась к Уиллоу. Я села туда, куда кровь еще не добралась. Но скоро должна была добраться. Она продолжала вытекать из ее ран.

Я знала, что она уже мертва. Ее глаза остекленели, но я хотела еще одно мгновение побыть с ней. Только моя сестра и я.

Я легла в ту же позу, что и она.

На живот.

Мое лицо было обращено к ней.

Моя рука лежала на полу, вверх ладонью, так же, как и ее рука.